

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1931

ЛЕНИНГРАД

В 1833—1834 году Пушкин проявил критическое отношение к Николаю и как к монарху, и как к человеку, и трезво посмотрел на державца полумира. Положительное и восторженное отношение к Николаю сменилось отрицательным. На месте великого государя оказался прапорщик, а на месте человека-героя оказался мелкий человек, ограниченный и узкий, злобно-памятливый.

4. Последнее свидание в 1836 году. ¹

(Новое о дуэли.)

I

После работ, опубликованных мною в 1927 году, ² можно считать установленным, что анонимный пасквиль—роковой повод к последней дуэли Пушкина с Дантесом—ставил в оскорбительную связь имя жены поэта с именем императора Николая. Текст диплома ясно говорит об этом: «Кавалер первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством distinguishedного великого магистра ордена его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь граф И. Борх». Нарышкин— муж долголетней возлюбленной императора Александра, Марьи Антоновны. Утверждая Пушкина в звании историографа ордена рогоносцев и помощника великого магистра, составитель диплома язвительно указывал на то, что Наталья Николаевна Пушкина была в столь же близких отношениях к Николаю Павловичу, как Марья Антоновна к Александру Павловичу. Пусть Наталья Николаевна была только мнимой фавориткой, но Пушкин и чувствовал, и боялся, что всеильный самодержец в один прекрасный день пожелает склонить и склонит стыдливую красоту на монаршее ложе. В дипломе упомянуто и третье имя—непременного секретаря ордена рогоносцев графа Борх. Жена графа И. М. Борх отличалась легкостью своих нравов; по смыслу диплома, и у нее должны были быть «августейшие» отношения, но твердых и определенных свидетельств в нашем распоряжении не было. Быть может, наш вопрос и недоумения разрешает следующий отрывок из письма А. О. Смирновой к графине Е. П. Ростопчиной. Письмо это ускользнуло от внимания и моего, и других исследовате-

¹ Напечатано впервые в журнале «Огонек», 1928, № 24. Последний раздел статьи появляется здесь впервые.

² «Анонимный пасквиль и враги Пушкина» в третьем издании моей книги «Дуэль и смерть Пушкина» Госиздат, 1927; см. также мою статью в «Огоньке» (№ 42, 16 октября 1927 года)— «Кто писал анонимные письма Пушкину?»

лей.¹ Письмо от декабря 1839 года; Ростопчина жила в это время в имении в Воронежской губернии, а ее приятельница Смирнова кружилась в свете. Смирнова пишет о перспективах зимнего сезона 1839—1840 годов в высшем свете. «Модными светилами будут всегда наша милая Магу Пашкова, за которой ухаживает ее верный поклонник Georges, m-me Крюднер, Бутурлина; это первый план». Все названные здесь три женщины были предметом вожелений императора Николая. Сама же Смирнова в своих записках вспоминает, как в предшествующий (1838—1839 гг.) сезон Николай наслаждался соперничеством (из-за него) баронессы Крюденер и графини Бутурлиной, как всю зиму царь ужинал между Крюденер и Мэри Пашковой, которой «эта роль не нравилась» по словам Смирновой.² Едва ли под Georges'ем в письме к Ростопчиной не зашифрован сам Николай? Итак, Пашкова, Крюднер, Бутурлина, объекты длительных увлечений царя, — женщины первого плана. Дальше Смирнова сообщает: «На втором (плане) княгиня Юсупова и Долгорукая, рожденная Апраксина, Лиза Голицына, Суворова и графиня Воронцова не выезжают из-за траура; последняя, впрочем, сможет принимать полуучастие в удовольствиях, так как Кирилл Александрович похоронен вчера. Маленькая Эмма Б. вернулась еще красивее, чем когда-либо и забавляется тем, что опять позволяет этому мерзкому Sersey компрометировать ее; ее не щадят, так как она беззащитная и к тому же кокетничает обыкновенно слишком очевидно». Маленькая Эмма Б. — конечно графиня Борх, Любовь Викентьевна, Любовь=Aimée=Эмма. В словах Смирновой о ней надо подчеркнуть намек на легкость нравов, на страсть к кокетству и выражение, подчеркнутое самой Смирновой: «ее не щадят, так как она беззащитная». Была защита, щадили; какая же защита? Самой прочной защитой было «августейшее» благоволение: тут все хулители и хулительницы смолкали. На первом царском плане — увлечения длительные, с затяжной игрой в любовь, на втором — васильковые дурачества, мимолетные встречи, короткие удары. Тут на августейшем пути подвернулась, должно быть, и неустойчивая графиня Эмма Борх, жена того графа Иосифа Борха, который жил с своим форејтором, по словам Пушкина. О самой графине Пушкин выразился, что она живет с кучером. Если защитник графини Борх верно угадан в Николае, то получается острое сближение: в обладании графиней император соперничал с кучером!

II

Язвительная стрела попала в цель. Пушкин остро почувствовал удар, не только почувствовал, но и сразу понял, от

¹ Русск. Арх., 1905, т. III, стр. 221.

² См. мою книгу: «Дуэль и смерть Пушкина», 3-е издание, стр. 440.

кого он идет. Почти сразу же по получении пасквиля Пушкин пришел к твердому и непоколебимому убеждению, что пасквиль идет от голландского посланника барона Геккерена. Геккерен мстил Пушкину за то дурацкое положение, в которое Пушкин поставил и его, и его приемного сына Дантеса осенью 1836 года. Дантес вел любовную игру с Н. Н. Пушкиной; страсть его была возбуждена в высшей мере, возбуждение не ускользнуло от Пушкина, и Дантес, желая отвести грозу от Натальи Николаевны, спас ее, заявив, что ухаживания его относятся не к Наталье Николаевне, а к сестре ее Екатерине. Пушкин принял за истину заявление Дантеса и понуждал его к женитьбе. Геккерен, бросая намек на императора, как оскорбителя семейной чести Пушкина, рассчитывал, быть может, в суматохе избавиться от вынужденного брака.

Перед Пушкиным было три врага: Дантес, Геккерен и Николай. Дантесу он послал вызов. После долгих переговоров и просьб Геккерену удалось отвести удар и убедить Пушкина отказаться от дуэли. Но Дантес был последним для Пушкина человеком в этом деле. В порыве отчаяния и бессилия Пушкин попробовал было разорвать свои связи с дарем, сделав попытку вернуть ему денежные ссуды, выданные ему по дарской милости. Но это ему не удалось, да этого ему, Геккерену, было бы и мало. Но Геккерен, отправляя диплом, задевал честь не только Пушкина, но и дара: конечно, ему и в голову не приходило, что дарь когда-либо узнает содержание диплома. Пушкин замыслил месть, разительную, полную, опрокидывающую человека в грязь. Он решил пойти напролом и выдать Геккерена головой монарху. «Привлечь высочайшее внимание к пасквилю, предъявить его дарю: «не я один, муж Натальи Николаевны, помянут здесь, но и брат ваш, да и вы сами, ваше величество. А смастерил этот пасквиль господин голландский посланник барон Геккерен. Обратите на его голову громы и молнию!» Такой диплом для Николая Павловича то же, что кусок красной материи для быка. Да, в таком случае произошел бы, действительно, скандал, единственный в своем роде... Указание на Геккерена как на составителя подметного письма, задевающего семейную честь императорской фамилии, сослужило бы Пушкину несомненную пользу и в отношениях дара к чете Пушкиных. Произошло бы поражение и другого опасного — гораздо более опасного, чем Дантес, — поклонника Натальи Николаевны — Николая Павловича Романова. Атмосфера была бы разрежена. Вот та тонкая игра, которую хотел повести Пушкин! ¹ После замирения дела о дуэли с Дантесом Пушкин решил перейти в открытое нападение на Геккерена. Он написал письмо голландскому посланнику. Текст его нам неизвестен, но граф Соллогуб, которому Пушкин прочел это письмо, утверждал, что

¹ См. мою книгу «Дуэль», стр. 455 — 456.

в известном письме, отправленном Геккерену 26 января 1837 года, Пушкин повторил почти текстуально свое ноябрьское письмо. Соллогуб вспоминал впоследствии о чтении письма в день 21 ноября: «Губы Пушкина задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения». Этого письма Пушкин не отправил, но в тот же день 21 ноября он написал следующее письмо:

«Граф! Считаю, что я в праве и даже обязан сообщить вашему сиятельству о том, что произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра безымянного письма, оскорбительного для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакции, я с первой же минуты догадался, что оно от иностранца, человека высшего круга, дипломата. Я стал разыскивать. Узнаю, что семь или восемь особ в тот же день получили по экземпляру такого же письма, запечатанного и адресованного на мое имя, под двойным конвертом. Большая часть лиц, его получивших, подозревая гнусность, не переслала его ко мне. Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду; но, повторяя, что поведение моей жены безукоризненно, говорили, что поводом к этой гнусности послужило настойчивое ухаживание за нею г. Дантеса.

«Не мне было допустить, чтобы в данном случае имя жены моей было связано с чьим бы то ни было именем. Я поручил передать это г. Дантесу. Барон Геккерен приехал ко мне и принял вызов за г. Дантеса, проси у меня двухнедельной отсрочки.

«Случилось так, что в этот условленный промежуток времени Дантес влюбился в мою свояченицу, девицу Гончарову и стал просить ее руки. Узнав об этом по общественным слухам, я поручил попросить г. д'Аршинака (секунданта Дантеса) смотреть на мой вызов, как на несостоявшийся. Между тем я удостоверился, что безымянное письмо было от г. Геккерена, — о чем считаю долгом уведомить правительство и общество.

«Будучи единым судьей и блюстителем моей и женной чести, а потому не требуя ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательства того, что утверждаю.

«Во всяком случае надеюсь, граф, что это письмо служит доказательством уважения и доверия моего к особе вашей. С этим чувством имею честь быть и проч.».

Это письмо вызывает не мало недоумений. Кому оно адресовано? При первом появлении в печати оно было отнесено сначала с вопросом («кажется») графу Бенкендорфу, а потом уже было усвоено ему без вопроса. Я высказал предположение в последнем издании моей книги, что оно адресовано графу

Нессельроде. Подлинник его неизвестен. П. И. Бартевев ска- зывал со слов кн. Вяземских, что письмо это было найдено в кармане сюртука, в котором Пушкин дрался на дуэли. Иссле- дователи сходятся на том, что письмо не было послано, и за- ключают, что план мести Пушкина остался невыполненным. Во всяком случае, если это письмо и было в руках Нессель- роде или Бенкендорфа, то до царя оно не дошло, так казалось и мне. А ведь в планы Пушкина как раз и входило довести до царя о пасквильных обстоятельствах, поставить царя лицом к лицу с дипломом. На этом пункте и обрывалась история этой стадии дуэльных отношений Пушкина. Но в настоящий момент мы можем ее продолжить, благодаря счастливому и ошеломит- ьельному открытию нового обстоятельства, абсолютно неизвест- ного до сих пор исследователям. Прежде, чем привести этот новый, неизвестный документ, просим читателя держать в па- мяти даты и сосредоточить в своем воображении все обстоя- тельства, выше нами изложенные. Главное: 21 ноября графу Соллогубу Пушкин прочел письмо к Геккерену, 21 же ноября датировано его письмо, объявляющее автором пасквиля Гек- керена.

III

При российском императорском дворе велись так называе- мые камер-фурьерские журналы. Камер-фурьеры простым язы- ком, без особых словоизвитий, заносили в книги события внеш- ней жизни царя, записывали, кого царь принимал, кто пред- ставлялся, куда ездил царь, кто был за обедом, кто был на придворных балах и т. д. Конечно, не все — даже внешние — события получали отражение в записках камер-фурьеров, но то, что было записано в их журналах, соответствовало действи- тельности. Камер-фурьерские журналы сохранились в бывшем архиве министерства двора (ныне в Централхиве); я про- смотрел их и извлек все самые малейшие данные, которые могли бы иметь касательство к Пушкину. Они будут исполь- зованы мной в специальной работе «Пушкин при дворе». Здесь же я приведу только одну запись, сделанную в камер- фурьерском журнале в понедельник 23 ноября. Привожу с бук- вальной точностью эту запись, сделанную по трафарету в по- рядке трафаретной придворной хронологии.

«1836 г. Месяц Ноябрь. Присутствие их величеств в соб- ственном дворце.

Понедельник. 23-го. С 6-ти часов его величество принимал с докладом военного министра ген.-адъютанта графа Черны- шева, генерал-лейтенанта графа Грабовского, действительного статского советника Туркуля, статс-секретаря Лонгинова, ми- нистра высочайшего двора князя Волконского и генерал- адъютанта Киселева. За ними с рапортом военного генерал-

губернатора графа Эссена, коменданта Мартынова и обер-полицеймейстера Кokoшкина.

10 минут 2-го часа его величество один в саних выезд имел прогуливаться по городу и возвратился в 3 часа во дворец».

Царский деловой день кончился, время шло к обеду и к мирным развлечениям семейной жизни. И вдруг эта жизнь была прервана необычайным визитом, против придворного этикета, вне обычного времени. Вслед за приведенными только что строками камер-фурьерское перо записывает:

«По возвращении его величество принимал генерал-адъютанта графа Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина».

Вот новое свидетельство к истории дуэли, оглашаемое нами впервые. Оно лаконично и сухо, но нельзя с достаточной силой оценить его значение для истории последних месяцев жизни Пушкина. У нас не было никакого представления об этом свидании в неурочное время поэта с царем в присутствии шефа жандармов. Никто из трех лиц, беседовавших в 4-м часу дня 23 ноября 1836 года в царском кабинете, в Зимнем дворце, не проговорился ни одним словом об этом свидании, и если бы беспристрастный камер-фурьер не записал о нем в свой журнал, тайна свидания схоронена была бы на век. Чем вызван был этот чрезвычайный прием, о чем шла речь — мы можем строить только предположения. Попробуем их высказать. Чрезвычайность приема (после окончания обыкновенного приема, после царской прогулки, в необычное время) свидетельствует о чрезвычайности тех обстоятельств, которые заставили шефа жандармов привести с собой камер-юнкера Пушкина. И понятно важность была не в событиях частной жизни Пушкина (из-за этого не стоило бы беспокоить государя!), а в чем-то, совершенно выходящем из пределов. Но вспомним слова Пушкина, сказанные им в салоне княгини В. Ф. Вяземской: «я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как будут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная». Вспомним, каким изобразил Пушкина граф Соллогуб, прослушавший 21 ноября его письмо к Геккерену: «губы его задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения». Мне кажется, не противоречащим истине будет предположение, что Пушкин доставил-таки соответствующему начальству (все равно, будь то Нессельроде или Бенкендорф) свое заявление о том, что автором диплома, позорящего честь и его, Пушкина, и самого царя, является голландский посланник. Можно себе представить, какое ошеломляющее впечатление на Нессельроде или Бенкендорфа произвело подобное заявление. Создавался неслыханный скандал. Можно предполагать с полной вероятностью, что Бенкендорф попытался урезонить, успокоить Пуш-

кина, но он был в таком настроении, когда никакие резоны на него действовать не могли. Оставался один верховный судья — сам царь. Только он один и мог предотвратить катастрофу. Но ведь Пушкин и жаждал этого свидания. 23 ноября в 4-м часу дня произошло наконец объяснение между дарем и Пушкиным. Надо думать, что Пушкин осведомил царя о своих семейных обстоятельствах, о дипломе (как тут себя почувствовал Николай!) и об Геккерене — авторе диплома. Результаты свидания? Они ясны. Пушкин был укрощен, был вынужден дать слово молчать о Геккерене. Его отищение Геккерену не получило огласки, но на царя известное впечатление он произвел — тут Николай должен был сообразить дальнейшие последствия своих ухаживаний за Натальей Николаевной и оценить поступок голландского посланника. Во всяком случае, беседа втроем была чрезвычайно интимна, и никто из присутствовавших не проронил о ней ни слова. Но с полной уверенностью можно теперь утверждать, что Николай не был неосведомленным относительно происшедшего: наоборот, он знал о деле Пушкина больше, чем его друзья, Жуковский и Вяземский. Уж никак нельзя утверждать, что Николай был тут не при чем. Правда, мои выводы — только предположения, но предположения естественные, вытекающие из хода события, как оно представляется на основании последних моих разысканий.

IV

В рассказе Жуковского о конце Пушкина меня всегда поражала одна фраза Пушкина: «когда Арендт (лейб-медик) перед своим отъездом подошел к Пушкину, он ему сказал: Попросите государя, чтобы он меня простил». Неужели в этот смертный час Пушкин мог думать о том, что он нарушил законы, и мог просить прощения за это нарушение? Теперь, когда мы знаем о свидании, естественнее думать, что Пушкин просил прощения за нарушение слова, данного царю насчет Геккерена. Не лишнее отметить, что в письме, отправленном Геккерену 26 января, Пушкин не оставил ни одного выражения, которое свидетельствовало бы о том, что Пушкин обвиняет Геккерена в составлении пасквиля, тогда как в разорванных клочках и черновиках содержались прямые указания на фабрикацию пасквиля именно Геккереном.

Быть может, отголоски свидания находятся в рассказе Николая, записанном в дневнике барона Корфа: «Под конец жизни Пушкина, — рассказывал Николай Корфу через одиннадцать лет после событий, — встречаясь очень часто с его женой, которую я очень любил и теперь люблю, как очень хорошую и добрую женщину, я как-то разговорился с нею о комеражах, которым ее красота подвергает ее в обществе: я советовал ей быть как можно осторожнее и беречь свою

и Детья Монахъ священника Кокоткина!

10.^{7/8} сун. 2^{1/2} часа. Со Вмешество
Огня въ Санктъ възгдъ имель прогу-
ваться по городу и возвратились въ 3, час.
во Губережъ.

По возвращении Со Вмешество
приниматель Семеринъ - Адютанта Гра-
фа Бенкендорфа и Кашеръ - Пункера
Пашкина

репутацию сколько для себя самой, столько и для счастья мужа при известной его ревности. Она, верно, рассказала об этом мужу, потому что, встретясь где-то со мной, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. Разве ты и мог ожидать от меня другого? спросил я его. Не только мог, государь, но признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моей женой... Три дня спустя был его последний дуэль». Здесь спутаны факты, но важно одно заключение: у Николая был разговор на интимную тему с Пушкиным, разговор, детали которого вряд ли могли быть приятны царю. Но не происходил ли он в Зимнем дворце, 23 ноября 1836 года?

Как бы там ни было, сообщению камер-фурьерского журнала об этом свидании в истории последних месяцев жизни поэта надо отвести первостепенное место.

V

Начальник III отделения, он же шеф корпуса жандармов ежегодно докладывал царю отчет по своему учреждению в форме «обозрения расположения умов и некоторых частей государственного управления». Такой отчет был представлен Николаю Бенкендорфом и за 1837 год. В нем находим и краткое сообщение о смерти Пушкина, которое дает окончательный взгляд на Пушкина, подытоживая, так сказать, отношения III отделения и царя, конечно, к поэту. Приведем эту часть отчета, хранящегося в настоящее время в Москве, в архиве внешней политики и революции (л. 61 об. — 62 об.). Ни одна деталь отношений III отделения не должна исчезнуть для потомства.

«В начале сего года умер, от полученной на поединке раны, знаменитый наш стихотворец Пушкин. — Пушкин соединял в себе два отдельных существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. — Осыпанный благодеяниями государя, он однако же до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных. — Сообразно сим двум свойствам Пушкина, образовался и круг его приверженцев: он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества. И те и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; — собрание посетителей при теле было необыкновенное; — отпевание намеревались давать торжественное; — многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; — наконец дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к тому жителей Пскова. Мудрено было решить, не относились ли все

эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-порту. — В сем недоумении и имел в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъятие скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, — высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все сии почести, что и было исполнено».